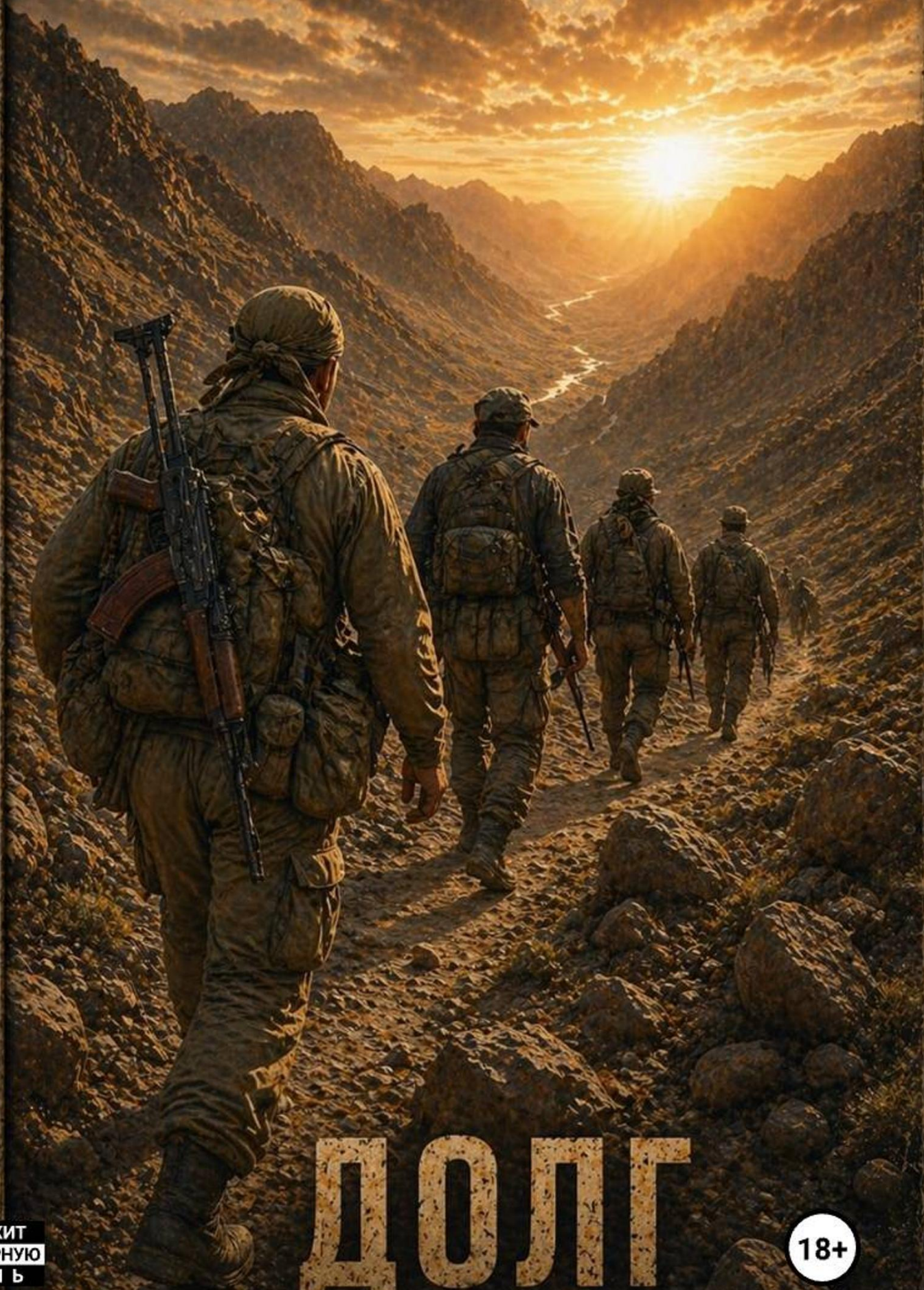

АНДРЕЙ ПАНЧЕНКО

РАБОТА НАД ОШИБКАМИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ДОЛГ

18+

Андрей Панченко

Долг

«Автор»

2026

Панченко А.

Долг / А. Панченко — «Автор», 2026

Сергей, вчерашний курсант учебного полка спецназа, прибывает в Афганистан, рассчитывая попасть в обычную часть. Но война не даёт времени освоиться - уже в первые часы он оказывается в самом пекле боёв под Асадобадом. Чтобы выжить среди чужих гор, врагов и суровых законов войны, Сергею придётся стать тем, кем он никогда не собирался быть - настоящим бойцом спецназа. Данное произведение является художественным и не имеет отношения к реальным историческим событиям. Книга не претендует на документальность или историческую достоверность. Все события, описанные в тексте, являются вымышленными. Любые совпадения с реальными людьми, организациями, местами или событиями — случайны. Названия боевых частей, их расположение, персонажи, а также любые упоминания структур, подразделений и обстоятельств — являются авторским вымыслом. Автор с уважением относится к ветеранам войны в Афганистане.

© Панченко А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Долг	5
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	28
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Андрей Панченко

Долг

Долг

Глава 1

Я понял почему Морозов отобрал всего двадцать четыре человека, когда нас повезли в аэропорт. Шишига остановилась перед двумя вертолетами Ми-8 и нам приказали грузиться на борт.

В каждый вертолет загрузили всего по двенадцать человек, и на это были объективные причины. Вертолеты и так были сильно перегружены. Кабины пилотов были обшиты броней, закрепленной на болтах прямо на алюминиевый корпус. Бронеплиты под лобовыми и боковыми стеклами кабины экипажа отчетливо бросались в глаза, как и плоские лобовые бронестекла. В отличие от остальных выпуклых стекол кабины, эти три передних стекла были абсолютно плоскими, и имели заметный зеленоватый оттенок. На внешних пилонах вертолетов висели тяжелые блоки неуправляемых ракет.

Боевые машины, уже ни раз побывавшие под обстрелом. Фюзеляж вертолета, в который садился я, пестрил подкрашенными заплатками, закрывавшими пулевые отверстия. Только с одного борта я насчитал их семь штук, да и на боковой бронеплите были видны отметки от пуль.

Морозов проконтролировал чтобы все новобранцы оказались внутри, потом забрался в наш вертолет и устроился на откидном сидении бортехника в кабине пилота, тут же начав проверять курсовой пулемет. При этом сам бортехник даже слова против не сказал, он остался в грузовом отсеке и тоже принялся возиться у ПКМ установленного на шкворневой установке в проеме левой сдвижной двери. Похоже они всерьез готовились воевать. Двигатель вертолета в это время заработал, и лопасти начали с визгом очерчивать круги, разгоняя холодный воздух.

Бортехник закончил заправлять ленту в пулемёт, и наклонившись что-то сказал Морозову. Старший лейтенант кивнул, обернулся на нас, окинул взглядом притихших спецназовцев. Потом махнул мне рукой, чтобы я подошел.

- Серёгин, к пулемету. – приказал мне старлей, едва я наклонился к нему, чтобы лучше слышать – Егорыч объяснит, что и как.

Шум двигателя нарастал. Сверху, прямо над потолком кабины, ревели два газотурбинных двигателя. Их звук при открытой двери превращался в сплошной высокочастотный свист и гул. Огромный несущий винт издавал тяжелый, ритмичный рубящий гул и характерные хлопки. Воздух буквально «вколачивался» в открытый проем двери, создавая внутри сильнейшие завихрения и ураганный ветер.

Бортехник за шиворот оттащил меня к пулемету, шустро накиннул мне на пояс страховочный ремень и пристигнул его стальным тросом к полу вертолета. Затем сунул мне в руки бронезилет, каску и кожаные перчатки.

- Надевай! – Прокричал он мне в ухо – Следи за землёй. Обращай особое внимание на вспышки на земле и дымные следы в воздухе. На трассеры. Если увидишь, чего, просто стреляй в то направление. Обозначай угрозу. В ленте каждый третий трассирующий, или пилоты или я увидим. Если свет в отсеке начнет моргать, это значить пилоты подают команду «Внимание». Тогда смотришь на меня, у меня есть СПУ, я узнаю в чем дело и покажу тебе чего делать дальше.

Борттехник пнул металлический ящик, жестко закреплённый к полу вертолета возле пулеметной установки.

- Тут коробка с лентами. На сто патронов каждый. Запасной ствол там же. На ящике можно сидеть пока, когда к горам подойдем, лучше встань и смотри в оба! Ну всё, не зевай.

Вертолет качнулся, и по самолетному покатыл на взлет. Я шустро начал облачатся в выданное мне снаряжение, краем глаза заметив, что борттехник направился в глубь кабины, к грузовому люку, где расчехлил ещё один пулемет, установленный в специальном вырезе между створками.

Вертолет трясло всё сильнее. Колёса ещё пару секунд дробно стучали по бетонке, потом этот стук исчез, и сразу стало как-то особенно неуютно - под ногами уже ничего не было, только дрожащий алюминиевый пол, рев двигателей и серое небо за распахнутой дверью.

Я кое-как застегнул бронежилет, натянул каску, втиснул ладони в грубые кожаные перчатки и уселся на ящик рядом с ПКМ. Металл пулемёта был ледяной, будто его только что из снега вытащили.

Через открытую дверь в лицо сразу ударил такой поток воздуха, что глаза заслезились. Внизу быстро поползли назад бетонка, какие-то склады, стоянки техники, потом аэродромная сетка, редкие дома на окраине Кабула. Мы поднялись выше, и город открылся передо мной как на ладони.

Я ожидал увидеть что-то другое. Всё-таки столица чужой страны, про которую у нас столько говорили. А увидел пыль. Просто бесконечную серо-жёлтую пыль, плоские глинобитные коробки, узкие улицы, редкие деревья и какие-то бесформенные развалины. Местами по дорогам ползли машины - старые грузовики, легковушки, шли ослы с телегами. С высоты всё это выглядело игрушечным, но почему-то не мирным. Даже сверху город казался злым и грязным.

Наш Ми-8 шёл невысоко, метров сто пятьдесят, может двести над землёй. Второй транспортник держался справа чуть позади. А вот две двадцатьчетвёрки работали как сторожевые псы - одна впереди левее, вторая сзади правее. Они то приподнимались, то уходили ниже, слегка рыскали, перекрывая сектора. Даже мне, человеку далёкому от авиации, было ясно: летят не прогuloчным строем, а как положено в зоне, где могут стрелять снизу.

Морозов сидел в кабине пилотов, но постоянно оборачивался назад, проверяя нас. Лицо у него было спокойное, будто он на дачу едет, а не летит в боевом вертолете, который каждый местный моджахед мечтает ссадить с неба и опустить на грешную землю, желательно в виде обломков.

Спецназовцы в салоне молчали, да и невозможно было разговаривать в таком шуме. Двенадцать мужиков сидели на лавках вдоль бортов, с вещмешками между ног, и все как один пялились в иллюминаторы, на проплывающую внизу землю.

Минут через десять Кабул окончательно остался позади, и под нами пошла голая каменная страна. Сначала редкие холмы. Потом каменные складки. Потом настоящие горы.

С воздуха они выглядели не как на картинках в учебниках - красивые снежные пики и романтика. Нет. Это были серо-бурые, рваные, мёртвые камни, местами покрытые клочками грязного снега. Ущелья, расщелины, обрывы. Ни леса, ни нормальной травы. Только иногда тонкая нитка дороги внизу, да темные, извилистые линии рек и ручьёв. И в каждой такой складке, как сразу начинало казаться, вполне мог сидеть кто-нибудь с ДШК или ПЗРК, мечтая именно в этот день испортить нам настроение.

Я обернулся на борттехника, и встретился с ним взглядом. Он ткнул пальцем вниз, потом двумя пальцами себе в глаза. Смотри мол, не отвлекайся. Я и смотрел.

Сначала просто таранился на землю, ничего не понимая. Камни, русла высохших рек, глиняные мазанки, какие-то тропы. Потом постепенно глаз начал цепляться за детали. Вот группа чёрных точек у дороги - люди. Вот два грузовика внизу. Вот на склоне что-то блеснуло.

Я вздрогнул и уже почти нажал на спусковой крючок пулемёта, но понял, что это солнце ударило в кусок жести.

Время тянулось почти бесконечно, а мы всё летели и летели среди гор, Вертолеты выписывали виражи между скалами, крутились по спирали набирая высоту, потом падали вниз скользя вдоль склонов, потом всё повторялось снова. Пот стекал по спине под бронежилетом, хотя в кабине было чертовски холодно. ПКМ стоял передо мной тяжёлый, надёжный, с уже заведённой лентой. Ствол смотрел в серое ущелье, которое медленно наползало под нас. Я держался за рукоятку, и отчётливо понимал. В нас могут сейчас начать стрелять по-настоящему и я, пристёгнутый к полу тросом как собака у будки, буду стрелять в ответ. Накаркал...

В этот момент одна из Ми-24 впереди резко качнулась и ушёл чуть вниз, ныряя в узость ущелья. Остальные машины потянулись за ним. Свет в отсеке заморгал, и я тут же повернул голову в сторону бортинженера.

Егорыч жестом показал мне чтобы я встал, и смотрел на землю. Потом наклонился к ближайшему спецназовцу, и что-то проорал ему на ухо. Тот вскочил и подбежав ко мне заорал прямо в лицо.

- Подходим к Асадобаду! Следи внимательно, сразу огонь открывай если что, не жди команды!

Солдат метнулся на своё место, а я вскочил, вцепившись в пулемёт. Наш вертолет снизился до предельно малой высоты, и теперь казалось почти касался колесами реки, которая проплывала под его брюхом. Мы шли вдоль русла Кунара, очевидно, чтобы не попасть под обстрел ПЗРК. Крокодилы остались выше, видимо для прикрытия.

Внезапно по фюзеляжу раздается серия резких звонких ударов. Я с удивлением замечаю, как в борту вертолета, в полуметре от меня появляется рваная пробоина, величиной с кулак. И тут до меня доходит, что по нам стреляют из ДШК!

Адреналин бьет в голову, загуманивая сознание. Я наблюдаю за собой как будто со стороны. Мой палец сам, не зависимо от мозга вдавливая спусковой крючок пулемета, и я начинаю стрелять, ещё даже не видя вспышек на склоне, просто в ту сторону, откуда к нам прилетают пули. Секунда, и я замечаю трассеры, бьющие с соседнего вертолета и с вершин окружающих нас гор. Все они сходятся в одной и той же точке на противоположном от нас склоне горы, и я доворачиваю пулемет. Врага я до сих пор не вижу, но теперь и я бью вместе с остальными стрелками туда, где пули вспахивают грунт и рикошетят от камней.

Идущие выше Ми-24 мгновенно разворачиваются на огневую точку и выпускают по склону веер неуправляемых ракет, буквально выжигая и так перепаханый пулями склон.

Вертолет несется дальше, и я вынужден прекратить стрельбу. Теперь я уже не вижу куда стрелять, да и патроны у меня закончились, зато оживает пулемет бортехника. Я же судорожно отстегиваю короб, и пытаюсь перезарядить ПКМ.

Хорошо, что я держался за пулемет. А то бы выпал нафиг. Внезапно вертолет задирает нос, шаг винта ощутимо увеличивается, и мы мгновенно теряем скорость. Вокруг поднимаются облака пыли и вертолет падает на землю, качнувшись на амортизаторах.

Из кабины пилотов вылетает Морозов, и схватив первого же попавшегося бойца буквально вышвыривает его из вертолета, следом летит его вещмешок. Бортехник, бросив пулемет, пинками гонит на выход остальных.

Я тоже дёрнулся к двери, но тут же повис на ремне как кобель на цепи.

Стальной карабин страховки, которым бортехник пристегнул меня к полу, закусило намертво. Я рванул раз, другой - бесполезно. В перчатках пальцы не слушались, замерзли, защёлка не поддавалась. Вокруг уже шла бешеная суета: спецназовцы один за другим выпрыгивали наружу прямо в клубы жёлтой пыли, пригибаясь и исчезая за бортом. Кто-то орал, кто-то матерился, Морозов буквально пинал последних под зад, чтобы не тормозили. А я остался у пулемёта, нелепо дёргая этот чёртов карабин.

- Егорыч! - заорал я, сам себя не слыша.

Борттехник обернулся, одним взглядом понял в чём дело, метнулся ко мне, потом остановился, махнул рукой и что-то заорал. Сквозь гул винтов и рев двигателя я с трудом расслышал:

- Сиди!

Я растеряно замер, не зная, что делать. Снаружи уже гремело так, будто мы сели не на базу, а в середину артиллерийского полигона. Только теперь до меня дошло, что происходит вокруг.

Асадобадская база вела бой. Где-то совсем рядом, за насыпью, одна за другой рвались мины. Взрывы били глухо, тяжело, с фонтанами камня и пыли. Над площадкой свистели осколки. Со стороны дальних капониров непрерывно лупили зенитки. Чуть левее бухала что-то покрупнее. К склонам окружающих гор тянулись десятки трассеров - красные, зелёные, белые. База отвечала всем, чем могла.

Духи, похоже, работали сразу по двум задачам - долбили миномётами сам гарнизон и одновременно устроили засаду на заходящие на посадку вертолёты. Наш Ми-8 ещё не успел толком коснуться земли, а вокруг него уже плясала пыль от близких разрывов.

Я, пригнувшись, машинально схватился за пулемёт, не понимая - наружу мне или внутрь. Но давать времени мне на решение этого вопроса похоже никто не собирался.

Из пыльной мути к борту вдруг вынырнули восемь человек. Не наши новоприбывшие, а совсем другие.

Они бежали быстро, низко пригнувшись, как люди, которые делают это не первый и не десятый раз. Все обвешанные подсумками, с РД за спиной. У двоих ПК, у одного РПГ, у остальных автоматы, но буквально у каждого к рюкзаку приторочена «муха». Лица чёрные от пыли и копоти. Один прямо на бегу что-то показывал рукой в сторону гор.

Они без единой заминки начали грузиться в наш вертолёт. Я только глазами хлопал. Первый залетел внутрь, ткнул пальцем в мою сторону и крикнул:

- Бортстрелок?

Я машинально кивнул. Объяснять, что я никакой не член экипажа, а вчерашний курсант, времени не было. Да и не услышал бы он.

Морозов уже снова был в кабине пилотов. Видимо, именно ради этого всё и делалось - выгрузить нас, подхватить маневренную досмотрово-блокирующую группу и сразу уйти в горы, перекрывать отход тем, кто сейчас долбит базу и встречал вертолёты на подлёте.

Егорыч с заднего пулемёта дал длинную очередь куда-то поверх насыпи, напрочь забыв про меня. Новые пассажиры только плюхнулись на лавки и на пол, кто где успел, как машина уже сорвалась с места.

Снова удар по амортизаторам, рывок вверх, пыльное облако провалилось вниз. Мы взлетели.

Через открытую дверь я увидел Асадобад уже сверху, и картина была эпичная. База стояла в узкой долине, прижатая к реке и горам. Несколько вертолётных площадок, капониры, ангары, палатки, склады, каменные укрытия. И всё это сейчас тонуло в дыму и пыли. На одном конце территории что-то горело. По периметру металась фигурки людей. Зенитные установки били почти не переставая, развернув стволы к склонам гор. Откуда-то из центра базы вверх ушла красная сигнальная ракета. Почти сразу рядом рванула ещё одна мина - я даже с воздуха увидел чёрный куст взрыва.

- Миномёты с северного хребта! - проорал кто-то из только что загрузившихся спецназовцев.

- И ДШК у реки! - ответил другой.

Они говорили коротко, без паники, будто обсуждали, куда за водой сходить. Старший группы - жилистый капитан с перебинтованной кистью - уже стоял в проёме кабины и что-то быстро орал Морозову, показывая карту.

Я стоял у пулемёта и всё ещё не мог понять, как за какие-то три минуты из перепуганного молодого новобранца превратился в участника боевого вылета.

Один из спецназовцев, сидевший прямо у моих ног с ПК на коленях, поднял голову, посмотрел на меня и вдруг ухмыльнулся.

- Ну что, бортовой, добро пожаловать в Асадобад.

И в этот момент вертолёт снова резко нырнул в ущелье, уходя к склонам, откуда продолжали бить мины. Я только сильнее вцепился в рукоятки ПКМ.

Теперь уже не было ни растерянности, ни попыток понять, что происходит. Вертолёт летел, а я торчал в дверном проёме, пристёгнутый к полу, с пулемётом перед носом. Значит, моё дело было простое - смотреть и стрелять.

Ми-8 шёл низко, почти облизывая склон. Иногда казалось, что лопастями сейчас срежет торчащий каменный зубец. Пилоты машину не жалели вообще - то резко проваливали вниз, то тут же тянули вверх, обходя складки местности. Внутри всех кидало из стороны в сторону как шарики в погремушке. Спецназовцы хватались за что придётся, но никто не ругался - привычные.

Старший группы, тот самый капитан с перевязанной кистью, вдруг рубанул рукой вправо вниз.

- Вон русло! Ниже кишлака! Работают оттуда!

Я тоже дёрнул взглядом в указанную сторону. Сначала ничего. Камни, серый склон, кусты. Потом увидел.

Между двумя валунами в узком кармане мелькнула короткая белая вспышка. Миномёт.

- Есть! - заорал кто-то.

Я не стал ждать ничьей команды. ПКМ уже был повернут туда раньше, чем мозг толком осознал цель. Палец вжал спуск. Пулемёт ожил в руках бешеной вибрацией. Очередь рванула вниз длинной огненной ниткой. Трассеры, уходя под брюхо вертолёта, потянулись к камням. Я бил не короткими, как учили на стрельбище, а жадно, почти непрерывно, лишь бы засыпать эту щель свинцом.

Рядом мгновенно заговорил ПК спецназовца. Потом второй. Вся левая сторона вертолёта словно вспыхнула очередями.

Из-под валунов метнулись какие-то тёмные фигурки. Я видел их уже отчётливо: трое или четверо духов, в длинных балахонах, пригибаясь, рванули вверх по осыпи от брошенного миномёта.

Я повёл пулемёт следом. Тяжёлый ствол сопротивлялся, машину трясло, прицел плясал, но расстояние было небольшое. Трассеры начали ложиться совсем рядом с бегущими. Один дух споткнулся, кувыркнулся через камни и больше не поднялся. Остальные нырнули за гребень.

- Хорош! Хорош! Дальше правее! - орал капитан.

В этот момент по правому борту ударили автоматы спецназовцев - значит, там нашли вторую точку.

Пилоты, похоже, тоже всё поняли без лишних слов. Вертолёт заложил резкий разворот, почти на боку. Меня швырнуло на ремне, пулемёт вырвало из рук, но я удержал.

И тут сверху пришли Ми-24. Сначала один, потом второй. Они пронеслись над нами чёрными тенями и почти в упор ударили по гребню НУРСами. Склон впереди просто вспух огнём. Камни, снег, земля, дым - всё взлетело одним грязным облаком. Даже сквозь рев двигателей было слышно, как осколки барабанят по камням.

Но бой ещё только начинался. Потому что едва мы вышли из разворота, как снизу, уже из самого русла, к нам потянулись новые трассеры. На этот раз били не миномётчики. Крупнокалиберный пулемёт.

Очереди шли плотные, злые, красными бусами, и одна из них так близко прошила под дверь, что я почти физически почувствовал какая она горячая.

- ДШК! Под нами! Под нами! - заорал лежавший рядом пулеметчик. Стрелять он не мог, для этого ему нужно было бы высунуться из дверного проема.

Я мгновенно опустил ствол вниз. Под самым обрывом, в тени нависающей скалы, стоял замаскированный камнями пулемёт. Расчёт работал быстро - один стрелял, второй подавал ленту, третий уже что-то тащил в сторону, видимо запасной короб. Увидев их так близко, я даже выругаться забыл. И со всей дури вжал спуск снова.

Глава 2

ПКМ задрожал в моих руках, будто сам испугался не меньше моего. Я давил на спуск и уже не думал ни о расходе патронов, ни о коротких очередях, ни о перегреве ствола. Передо мной внизу был ДШК, а рядом с ним люди, которые очень хотели превратить наш вертолёт в горящую грудку железа. Значит, жалеть патроны было глупо.

Трассеры легли сначала чуть выше, выбивая искры из камня. Я дождал ствол вниз, почти упёршись в ограничитель и сам буквально повис на ремне высунувшись из люка, лова в прицел противника. Пулемёт трясло, руки сводило, ремень врезался в пояс, но очередь пошла куда надо.

Один из духов у ДШК дёрнулся и упал на станок. Второй бросил ленту и кинулся в сторону, но тут же споткнулся, будто ему подножку поставили. Третий успел нырнуть за камень. Сам пулемёт смолк.

Я ещё секунду поливал это место, пока лента вдруг не кончилась. Звук оборвался сразу. После бешеной очереди наступила такая пустота, что я на мгновение оглох окончательно. Только рот сам открылся, а лёгкие хватали холодный воздух, смешанный с гарью и пылью.

- Кончились! - заорал я, хотя сам себя не слышал.

Никто мне не ответил. Да и некому было. Все были заняты своим делом. Вертолёт уже валился вниз к небольшой площадке у сухого русла. Значит, высаживали группу. Только теперь я понял, что мы не просто подавляли точки - мы садились прямо под огнём.

Снизу снова ударили автоматы. Пули защёлкали по борту как горсть камней по жестяному ведру. Одна прошла где-то над головой, вторая ударила в стойку двери, третья с глухим хлопком врезалась мне в грудь.

Меня будто кувалдой приложили. Воздух вылетел из лёгких. Я отшатнулся назад, повис на страховочном ремне и на секунду вообще перестал понимать, где верх, где низ. Дыхание перехватило, я ловил ртом воздух секунд пять, не меньше. В груди пульсировала тупая, тяжёлая боль. Я машинально посмотрел вниз. В бронежилете, чуть левее середины груди, торчала расплюснутая пуля или её оболочка. Ткань была порвана, плита выдержала.

- Живой! - сам себе прошептал я, не испытывая ни злости, ни радости.

И тут же вспомнил про пулемёт. Короб пустой. Новый рядом. Я с трудом встал, сначала на колени, а потом на ноги. Спецназовец с ПК удивленно посмотрел на меня, а потом продолжил стрелять, я же принялся перезарядить пулемёт. Руки дрожат. Перчатки мешают. Вертолёт трясёт так, что я не мог попасть пальцами куда надо.

Матерясь от боли, я сорвал пустой короб, он грохнулся на пол и укатился к ногам какого-то спецназовца. Тот, даже не спрашивая, пнул ко мне полный.

- Давай, бортовой! Давай! - заорал он.

Я подхватил короб, защёлкнул, рывком открыл крышку ствольной коробки. Лента прыгала в руках, как живая змея. Один патрон перекосило, я выругался, выдрал его, уложил ленту снова, захлопнул крышку, дёрнул рукоятку взведения. ПКМ снова был готов. А вертолёт уже почти сел.

Пыль взметнулась стеной, закрывая всё вокруг. За бортом ничего не было видно, только жёлтая муть, вспышки выстрелов и тёмные силуэты камней. Пули били по корпусу всё чаще. Где-то сзади Егорыч поливал короткими очередями, отсекая правый склон.

- Пошёл! Пошёл! Пошёл! - заорал капитан.

Первый спецназовец вылетел наружу с ПК. Сразу упал и начал стрелять. Второй прыгнул следом, третий, четвёртый. Они уходили из вертолёта быстро, низко пригнувшись, без красивых прыжков. Просто валились в пыль и тут же расплзались веером.

Я поймал в прицел вспышки слева, у каменной стенки. Там, за осыпью, кто-то бил по посадочной площадке из автоматов. Я не видел людей, только короткие огоньки и движение теней. Этого хватило. Я нажал на спуск.

Пулемёт снова заговорил. Теперь я стрелял уже не так дурно, как в первый раз. Короткими, по две-три секунды. Очередь - поправка. Очередь - ещё ниже. Трассеры входили в пыль и камни перед самым склоном. Автоматные вспышки там сразу стали реже.

Десант выходил под моим огнём. Капитан с перевязанной кистью прыгнул последним, перед самым выходом обернулся и ткнул в меня пальцем:

- Держи левый склон!

Ну я и держал. Левый склон, правый край русла, тёмную щель между валунами, откуда пару раз мелькнул огонь. Я стрелял, пока бойцы не отползли от вертолётки и не заняли позиции. Потом уже их автоматы и пулемёты заговорили снизу, уверенно и зло.

Вертолёт качнуло. Пилоты собирались уходить. Внизу, в пыли, восемь человек уже растворялись среди камней. Они пришли сюда работать. А я, похоже, только что случайно помог им не лечь у борта в первые же секунды.

Ми-8 дёрнулся вверх. И тут вертолёт дёрнуло. Машину будто кто-то ударил снизу и сбоку. По корпусу пошла тяжёлая дрожь, двигатель взвыл неровно, потом захрипел. Где-то в хвосте резко хлопнуло, запахло палёной изоляцией и керосином. Ми-8 попытался подняться, но только качнулся на стойках. Лопастки продолжали молотить воздух, пыль стояла стеной, но машина не уходила.

- Зацепило! Может привод! Хрен его знает! – Проорал оказавшийся рядом бортехник, уже выпрыгивая из вертолётки. Не обращая внимания на свист пуль, он рванул вдоль борта, внимательно оглядывая машину.

Из кабины выскочил Морозов с автоматом в руках. Сначала бросил взгляд наружу, потом повернулся ко мне - и застыл. Только тут он понял, что я всё ещё в вертолётке. Лицо у него стало такое, что я на секунду пожалел, что меня не добил тот ДШК.

- Серёгин?! - рявкнул он. - Ты какого хрена здесь?!

Я открыл рот, но объяснить было нечего. Да и бесполезно. Морозов шагнул ко мне, схватил за лямку бронжилета и дёрнул так, что я взвыл от боли в груди и чуть не ударился каской о стойку.

- Потом, сука, разберёмся! - проорал он. – Перезаряжайся и снимай пулемёт! Быстро! На землю! Левый сектор держишь! Вертолёт и группу прикрыть!

Вместе мы за несколько секунд поменяли ленту и сорвали ПКМ с крепления. Морозов одним движением отстегнул меня от стального троса и сунул мне последний короб с лентой.

- Ствол не спали, герой! - гаркнул он. - И ниже лопастей голову держи!

Я схватил пулемёт, короб, прыгнул и вывалился из вертолётки в пыль. Сразу стало страшно. Внутри хотя бы была железная коробочка. Пусть её и пробивали пули, но она давала иллюзию защищённости. А снаружи - только камни, песок, рев винта и пули, которые проходили где-то рядом, щёлкая по валунам. Воздух от лопастей бил в спину так, что хотелось лечь лицом вниз и больше не вставать.

Морозов спрыгнул рядом и ткнул рукой в сторону плоского камня метрах в десяти от борта.

- Туда! Живее!

Я рванул к камню, споткнулся, упал на колено, ударился грудью о землю и тут же вспомнил про пулю. Острая боль прострелила ребра, но времени ныть не было. Я плюхнулся за камень, поставил ПКМ на сошки, кое-как пристроил короб сбоку и повел стволом, выискивая цель.

Передо мной был левый склон какой-то горы. Там, среди осыпи, мелькали короткие вспышки. Духи били по вертолёту и по нашей группе, надеясь прижать всех к земле, пока миномётчики и остатки расчёта ДШК уходят выше.

Я вдохнул, выдохнул и нажал на спуск. ПКМ дёрнулся в руках и камень передо мной задрожал от отдачи и окутался пылью от моих очередей. Я повёл стволом по вспышкам, отсекая их от десанта.

Восемь спецназовцев уже расползались веером. Капитан с перебинтованной кистью что-то орал, показывал рукой вверх по руслу. Один пулемётчик лёг чуть выше меня и тоже начал работать по склону. Гранатометчик, пригнувшись, перебежал к валуну.

За спиной вертолёт стоял с работающими двигателями, беспомощный и огромный. По нему продолжали стучать пули. С его кормы короткими очередями бил пулемёт, очевидно борттехника заменил другой член экипажа, один из пилотов уже вытащил автомат и занял позицию у передней стойки. Борттехник, не обращая внимание на творящееся вокруг, возился у какой-то открытой панели на борту вертолёта.

Морозов обернулся ко мне снова заорал:

- Серёгин! Не дай им головы поднять!

Я и не давал. Стрелял, пока вспышки на склоне не начали пропадать одна за другой. Стрелял, пока не перестал чувствовать пальцы. Стрелял, потому что сейчас от этого зависела не только моё жизнь, но и эта здоровенная железная корова за спиной, и люди, которые вывалились из неё в пыль.

Очередная вспышка мелькнула выше, почти у самого гребня. Я повернул пулемёт туда и дал длинную очередь. Камни вспули пылью. На секунду стало тихо, потом откуда-то справа разом ударили три-четыре автомата. Не по мне - по нашим, что ползли вверх вдоль русла.

Я косил взгляд. Один из спецназовцев, тот самый с ПК, что первым выпрыгнул из вертолёта, поднялся на колено, готовясь перебежать к большому валуну. И в этот момент из узкой щели между камней, метров в сорока выше него, высунулся дух с автоматом.

Я увидел его раньше, чем пулемётчик. Чёрная борода, белая чалма, длинный ствол АК - всё мелькнуло как фотография. Дух уже вскидывал автомат.

- Ложись!!! - заорал я, сам не понимая, услышит меня кто-нибудь или нет.

Пулемётчик, конечно, не услышал. Да и поздно было. Я рванул ПКМ вправо и вжал спуск.

Очередь ушла не туда, куда целился сначала - слишком резко повернул, ствол подпрыгнул. Первые пули врезались ниже, выбивая щебень. Я дождал ствол ещё на ладонь вверх. И тут попал.

Щель просто взорвалась каменной крошкой. Духа я не увидел - его как будто сдуло ветром обратно за камень. Автоматная очередь, которую он всё же выпустил, ушла в небо.

Наш пулемётчик инстинктивно рухнул лицом вниз. В ту же секунду в камень, где он только что был, ударили ещё две-три пули с той же позиции. На полсекунды позже - и всё.

Он перекатился за валун, поднял голову, посмотрел в мою сторону и показал большой палец. То ли благодарил, то ли восхищался моей работой. А я уже бил туда без остановки, не давая никому из той щели даже нос высунуть.

- Молодец! - донеслось слева.

Это орал капитан с перевязанной кистью, сам стреляя короткими из автомата вверх по осыпи.

Спецназовцы воспользовались тем, что я прижал этот участок, и сразу рванули дальше. Двое перебежали к руслу, пулемётчик с ПК занял новую позицию, гранатометчик лёг чуть позади. Их цепочка начала медленно, но уверенно подниматься вверх.

Я вдруг поймал себя на том, что уже работаю не вслепую. Глаз сам выискивал опасные места: тёмные расщелины, нависающие камни, щели, откуда удобно стрелять вниз. Если там что-то мелькало - я бил. Иногда просто на упреждение, не дожидаясь вспышки.

Сзади кто-то тяжело плюхнулся рядом. Морозов. Он лёг за соседний камень, высунулся, дал несколько коротких из автомата и, не глядя на меня, бросил:

- Нормально работаешь Серёгин, не зря я тебя учил.

Я даже ответить не успел. Потому что сверху, от гребня, вдруг вылетел тёмный округлый предмет. Сначала я даже не понял, что это. Камень? Кусок земли? Но предмет описал дугу слишком ровно и покатился как живой прямо туда, где за валуном лежал тот самый пулемётчик с ПК. Граната.

- Граната!!! - заорал я.

Поздно. Пулемётчик только начал поворачивать голову на крик, ещё не понимая, что катится к нему под бок. Граната подпрыгнула на камне и остановилась в полуметре от его укрытия.

Взрыв. Как-то тихо она рванула, как новогодняя петарда, но пулемётчика подбросило, как тряпичную куклу. Его ПК отлетел в сторону, сам он перевернулся через плечо и остался лежать, суча ногами.

- Саня! - заорал кто-то из наших.

Двое спецназовцев тут же поднялись из-за камней, собираясь броситься на помощь товарищу, но капитан с перевязанной кистью, даже не оглянувшись, махнул рукой вверх:

- Через гребень! Не стоять! Дави их!

Они и рванули. Гранатометчик, автоматчик и ещё двое, пользуясь тем, что я продолжал держать склон очередями, почти бегом ушли вверх по осыпи. Капитан последним прыгнул за ними. Через несколько секунд их фигуры скрылись за каменным ребром.

Сверху почти сразу стало очень шумно. Автоматные очереди слились в один непрерывный гул. Мат. Чьи-то дикие крики. Потом бухнул взрыв. Следом ещё один. Бой там шел коротке, там люди убивали друг друга, стреляя в упор.

А у нас здесь оставался раненый.

- Прикрой! - рявкнул Морозов и первым сорвался с места.

Я дал длинную очередь по гребню, просто чтобы никто оттуда не сунулся вниз, и краем глаза увидел, как Морозов одним рывком добрался до пулемётчика. Я тоже вскочил, схватив ПКМ за ручку, и пригнувшись метнулся следом.

Бежать под огнём оказалось совсем не так, как в учебке на полосе препятствий, где над головой боевыми патронами били инструктора. Там ты всё равно где-то в глубине души знал, что это игра. Здесь же каждый щелчок пули о камень звучал как личное предупреждение. Я почти физически чувствовал, как между лопаток ползёт липкий холод, а ноги сами стараются стать быстрее, будто знают, что от этого зависит достанет тебя следующая очередь или нет.

Саня лежал на боку, хрипя и пытаясь подняться. Нога ниже колена была вся в крови. Штанина разодрана, и быстро темнела, кровь толчками выходила из раны. Несколько осколков, похоже, вошли и в левый бок - афганка там была посечена, ткань мокрая. ПК лежал в двух метрах, бесполезно уткнувшись стволом в камни.

Морозов уже переворачивал раненого на спину.

- Жгут! Быстро! - гаркнул он мне, зажимая рану на ноге бойца руками.

Я растеряно посмотрел по сторонам. Ни жгута, ни ИПП у меня с собой не было, я вообще-то летел в расположение новой для себя части, а не на боевой выход. Морозов выругался:

- Дебил! Жгут у него на прикладе пулемета!

Точно. Я бросился к пулемету бойца, сорвал с приклада медицинский жгут, рывком вернулся обратно и затянул его выше колена раненого. Руки скользили от крови. Саня зашипел сквозь зубы и попытался меня отпихнуть.

- Тихо лежи... - буркнул я.

Морозов тем временем быстрыми движениями располосовал ножом штанину, глянул на рану и коротко бросил:

- Ногу не оторвало, жить будет. Бок похоже не сильно зацепило. Давай Серёгин, нужно кровь остановить.

Я затанул жгут сильнее. Саня заорал уже в голос, потом стиснул зубы и только захрипел. Кровь на руках почему-то сразу показалась очень тёплой. Даже горячей. На морозном ветру, среди камней, под свист пуль это ощущалось особенно дико. В учебке нас, конечно, гоняли по медподготовке, заставляли накладывать жгуты друг на друга, бинтовать условные раны, таскать «раненых» на плащ-палатке. Но там под пальцами была чужая штанина, мат товарища и смех сержанта. А здесь под ладонью была настоящая живая нога, из которой толчками выходила кровь, и живой мужик, который мог через пять минут просто умереть, если мы с Морозовым ничего не сделаем.

Сверху на гребне снова послышались выстрелы, но уже одиночными. Потом раздался чей-то торжествующий мат.

Морозов поднял голову, прислушался и зло усмехнулся:

- Всё. Дожали, сук.

Я вспомнил про ПК. Я метнулся, поднял Санин пулемет, стряхнул с него пыль и притащил обратно. Морозов кивнул на него:

- Всё, Серёгин. Пулемет на тебе. Теперь ты за двоих. Этот пока навоевался.

Я молча кивнул. Саня лежал белый как мел, но был в сознании. Он посмотрел на меня мутными глазами и попытался ухмыльнуться.

- Третий раз... выручил, бортовой... А я ведь думал, что тебя в вертолёте убили.

- Ты бы заткнулся, силы бы поберег, - сказал я. - Спасибо потом скажешь.

Морозов уже достал перевязочный пакет и бинтовать раненого.

- Серёгин, паси вверх. Только наших не постреляй случайно.

Я занял позицию прямо возле раненого, направив свой ПКМ вверх, и положив рядом ПК раненого и поймал себя на странной мысли. Ещё час назад я даже и подумать не мог, что так скоро буду лежать среди афганских камней, весь в чужой крови, с двумя пулемётами, прикрывая подбитый вертолёт и раненого спецназовца, пока где-то наверху добивают духов.

Глава 3

Солнце к этому времени уже уходило за гребни. В горах темнело резко, без долгих городских сумерек. Только что камни были серо-жёлтые, пыль висела в воздухе золотистой мутью, а через полчаса всё вокруг стало синеватым, холодным и каким-то мрачным. Вертолёт стоял всё там же, нелепо присев на площадке у сухого русла. Двигатели уже заглушили, лопасти неподвижно провисли в воздухе, и от этого стало тревожнее. Пока они молотили, казалось, что машина живая. Теперь Ми-8 выглядел раненым зверем, которого бросили посреди камней.

Борттехник с экипажем возились у хвостовой балки и открытых панелей. Иногда оттуда доносился мат, металлический ляг и короткие команды. Егорыч пару раз пробежал к кабине, таскал какие-то ключи, потом снова исчезал за фюзеляжем.

- До утра не уйдём! — наконец крикнул он Морозову. — Запчасть нужна! Привезут с базы - заведём. На соплях можно было бы рискнуть, если совсем край. Но сесть потом где-нибудь мордой в камни - удовольствие на любителя. Запчасти утром привезут. А сейчас только молиться, чтобы духи вторым заходом не пришли!

Капитан с перевязанной кистью к тому времени уже спустился с гребня. Лицо у него было серое от пыли. За ним подтянулись остальные. Двое тащили трофейные автоматы и какой-то мешок, ещё двое волокли по камням пустую трубу от миномёта и плиту от него же. Ещё минут через десять вернулись остальные, с трофейным ДШК и лентами для него.

- Чисто, - коротко сказал капитан Морозову. - Миномёт взяли, ДШК тоже. Двенадцать духов положили. Трое пытались уйти - не ушли. Сейчас доложу командиру, обрадую.

Морозов кивнул.

- Наши?

Капитан посмотрел на Саню и поморщился как от зубной боли.

- Один тяжёлый. У Ромки шапку пробило навывлет, башка целая. Повезло дураку.

- Он у него бронированная товарищ капитан, пуля отрикошетила просто, - отозвался кто-то сверху.

Несколько человек нервно засмеялись. Морозов и капитан тоже. Всех отпускало напряжение боя. Капитан присел рядом с Саней.

- Живой?

Саня открыл глаза и попытался поднять руку.

- Живой, товарищ капитан. Только нога болит сильно.

- Это потому, что она пока у тебя есть, - сказал капитан. - Радуйся.

Потом он повернулся ко мне.

- Ты его два раза с того света за шкирку вытащил. Сначала у валуна, потом после гранаты. Ещё бы одну кинули и точно бы добились, если бы ты по гребню не отработал. И высадку держал хорошо.

- Это он расчет ДШК положил – прохрипел Саня – Считай всех нас спас.

Я пожал плечами, но бронезилет тут же больно потянул грудь.

- Я просто стрелял, товарищ капитан.

- Все просто стреляют, - сказал он. - Только одни попадают куда надо и когда надо, а другие воздух греют.

Саня слабо ухмыльнулся.

- Бортовой злой попался. Хорошо, что теперь штатные стрелки с вертолетчиками летают.

- Какой ещё штатный? - спросил Морозов зло. – Не штатный он.

Капитан поднял бровь.

- А кто?

Морозов посмотрел на меня так, будто я лично испортил ему вечер, сам сломал вертолёт и вообще, всё что произошло из-за меня случилось.

- Молодой сержант из пополнения. Сегодня прилетел. Даже до части добраться не успел. Наступила пауза. Спецназовцы, стоявшие рядом, уставились на меня уже совсем другими глазами.

- В смысле из пополнения? - переспросил РПГшник.

- В прямом, мать его, смысле, - сказал Морозов. – Из учебки. Молодой сержант. Его вообще надо было выгрузить на базе вместе с остальными.

Саня повернул голову ко мне и даже привстал на локте, но тут же зашипел от боли.

- Ты что, не бортстрелок?

- Нет, - сказал я.

- А какого хрена ты тогда у пулемёта делал?

Я посмотрел на Морозова, потом на Егорыча, который как раз проходил мимо с каким-то грязным железным кронштейном в руках. Егорыч услышал вопрос и остановился.

- Я его оставил, - сказал он. – Времени не было с ним разбираться и отстегивать. Парень во время первого обстрела не обосрался, вот я и решил, что нормально.

- Нормально? - Морозов аж повернулся к нему. – Необстрелянного и не опытного бойца на бортовом пулемёте оставил на боевой операции? А если бы он этот ДШК не смог загасить, растерялся бы?

- Справился же - спокойно ответил Егорыч. – Все живы. Ну почти. Значить всё нормально.

- Я тебя потом отдельно убью, - пообещал Морозов.

- В очередь, сразу после зампотеха будешь. Он тоже меня сегодня убить обещал - сказал Егорыч и пошёл дальше.

- Молодой сержант, значит, - сказал капитан, снова посмотрев на меня. - Ну, сержант, поздравляю с первым боевым выходом. Ты у нас теперь в отряде рекордсмен, обычно мы молодых раньше, чем через месяц-два на боевые не берем, а ты даже сапогом на территорию базы наступить не успел. А так молодец, хорошо воевал.

Саню перетянули к вертолёту на плащ-палатке. Морозов ещё раз подтянул жгут, записал карандашом время прямо на куске обертки от ИПП и сунул его под резинку. Пулеметчик держался, но лицо у него стало совсем белым, губы посинели. Кровь всё равно проступала через бинты тёмными пятнами.

Час спустя со стороны базы послышался далёкий рокот. Второй Ми-8 шёл низко, осторожно, под прикрытием Ми-24 которые нарезали круги выше, как злые железные птицы. На этот раз никто не расслабился. Все легли по секторам. Я тоже вжал приклад в плечо и повёл стволом по склону, ожидая, что сейчас опять где-нибудь мелькнёт вспышка.

Вертолет сел быстро, почти без задержки, подняв вокруг такую пыль, что нас опять накрыло с головой. Лопасты гнали по земле каменную крошку, окровавленные бинты, сухие стебли, пустые гильзы. Из него выскочили двое санитаров, офицер и группа до зубов вооруженных бойцов. Десять человек. Они шустро разгрузили несколько ящиков и тоже разбежались по склону, занимая позиции. Очевидно командование базы усилило группу капитана перед предстоящей ночёвкой в горах.

Саню подхватили, переложили на носилки и потащили к борту. Второй вертолёт забрал раненого и сразу ушёл. Мы остались.

Ночь должна была пройти здесь. Усиленную группу раскидали по секторам. Часть ушла выше, к гребню. Двое легли у русла. Экипаж занял оборону вокруг подбитого Ми-8. Трое из вновь прибывших шустро вскрыли ящики и цинки и начали набивать пулеметные ленты, укладывая их в пустые короба. Мне Морозов приказал вернуться с пулемётом к тем камням, откуда простреливался левый склон.

Я поднялся, чтобы забрать ПКМ, и тут грудь будто сжало обручем. Воздух снова пропал. Я присел на камень, пытаюсь вдохнуть, но вдох вышел коротким и рваным. Перед глазами поплыли тёмные точки. Морозов это тут же заметил.

- Серёгин?

- Нормально, - выдавил я.

- Что нормально?

- Ударило просто. В бронежилет.

Морозов замер. Потом присмотрелся, увидел порванную ткань, смятую пулю.

- Ты раненый, что ли?!

- Да не раненый... Плита выдержала.

- Твою мать! - взорвался он. - Тебе в грудь прилетело, а ты молчал?!

- Так стрелять надо было.

- Стрелять надо было, - передразнил Морозов. - А потом сдохнуть тихо за камнем, чтобы никому не мешать? Умный какой нашёлся! Где тебя зацепило?

- Ещё в вертолете, когда я по ДШК стрелял. Чуть поболело, а потом как будто прошло, а вот сейчас прихватило что-то.

- Это ты на адреналине был. То-то я думаю, чего это Саня говорил, что думал будто тебя в вертолёт убили... - Выдохнул Морозов.

Рядом замолчали все, кто слышал наш разговор. На меня смотрели и набивающие ленты бойцы, и экипаж вертолета. У борттехника от удивления аж рот открылся, он мгновенно побледнел, не отрывая взгляда от бронежилета, который перед вылетом сам же мне выдал.

Морозов сорвал с меня жилет почти грубо, но тут же стал действовать аккуратнее. Под тельняшкой на груди уже расплзся огромный тёмно-синий синяк, в центре почти чёрный. Кожа вздулась, каждый вдох отдавал болью. Он нажал пальцами сбоку. Я зашипел.

- Рёбра, возможно, треснули. Повезло тебе, что зима и на тебе бушлат был - сказал Морозов уже тише. - Дыши.

- Дышу.

- Глубже.

Я попытался вдохнуть глубже и едва не согнулся пополам.

- Ясно. Герой хренов. Чего молчал то? Надо было тебя тоже на вертолете в госпиталь отправить. Забронева травма, контузия, возможен перелом ребер. - Морозов посмотрел на меня и замахнулся рукой - Как дал бы тебе...

- Не надо, товарищ старший лейтенант, - осторожно сказал я. - Мне уже сегодня дали.

Кто-то рядом тихо фыркнул, но сразу замолчал, поймав взгляд Морозова.

- Шутник, - процедил он. - Сейчас я тебе пошучу.

Он позвал одного из вновь прибывших санитаров, но тот только быстро осмотрел грудь, потрогал рёбра, заставил меня несколько раз вдохнуть и поморщился.

- Перелом может быть, может сильный ушиб. На ощупь без рентгена не скажу. Лёгкое вроде не пробито, крови изо рта нет, дыхание есть. Но таскать тяжести и бегать ему сейчас нельзя. - Санитар посмотрел на уже тёмное ущелье, потом на место, где стоял ушедший вертолёт. - Отдельно за ним ночью борт не погонят. А так до утра дотянет. Забинтовать, обезболить, и пусть сидит.

Меня усадили за камень, заставили снять верхнюю одежду и туго перебинтовали грудь. Когда бинт затянули, я сперва хотел выругаться, но воздуха не хватило. Боль стала резкой, зато грудную клетку будто стянуло обручем, и дышать стало как будто даже легче. Кстати ни какого обезболивающего мне так и не дали...

- Сидишь на позиции. Пулемёт рядом. Стреляешь только если реально полезут. Понял?

- Инструктировал меня Морозов.

- Понял.

- Так точно надо отвечать, балбес!

Он поставил меня чуть ниже прежнего камня, туда, где был хороший сектор по левому склону, но можно было сидеть, опираясь спиной на валун. ПКМ устроили на сошках передо мной. Рядом положили два короба с лентами.

Через несколько минут ко мне подсел гранатомётчик из первой группы. Он снял шапку, вытряхнул из неё пыль, снова надел и устроился справа, за соседним камнем. Рядом положил РПГ, автомат и две гранаты в подсумке.

- Равиль, - сказал он негромко.

- Серёга.

- Да я уже слышал. Ты тут уже знаменитость.

Голос у него был спокойный, хрипловатый. В темноте лица почти не было видно, только нос, скулы и блеск глаз. Движения у бойца были неторопливые, привычные. Не суетился, не дёргался от каждого шороха.

- Давно здесь? - спросил я.

- Достаточно. До приказа два месяца осталось.

- Домой скоро, значит.

- В Афгане «скоро» лучше не говорить. Тут за два месяца можно три раза домой в цинке уехать.

Мы помолчали. Ночь опустилась окончательно. Горы вокруг стояли чёрными стенами. Где-то далеко, со стороны базы, иногда бухало - то ли ещё работали по точкам откуда велся обстрел, то ли пристреливали склоны на всякий случай. Над нами висели звёзды, яркие, холодные, какие в городе редко увидишь. Красиво было. Равиль поёрзал, удобнее устраиваясь за камнем.

- Грудь сильно болит?

- Терпимо.

- Значит, сильно. Когда терпимо - говорят «нормально». Когда совсем хреново - говорят «терпимо».

Я усмехнулся и тут же пожалел. Рёбра отозвались так, что в глазах потемнело.

- Не смейся.

- Не буду. Слушай лучше. Раз уж ты к нам так резво попал, понимать должен, куда прилетел.

Он говорил тихо, спокойно, без желания напугать. Просто как старший объясняет младшему, где тут сортир, где столовая, а где курилка.

- Отряд у нас молодой. В том году нас только в афган перебросили. Работать начал недавно, и начало было такое, что до сих пор как вспомню, так вздрагиваю. Мараварское ущелье слышал?

- Нет.

- Услышишь ещё. Там наши крепко попали. Очень крепко. В первом же большом выходе целая рота легла. Не вся сразу, конечно, но по итогу - почти как целая. Тридцать один человек. После этого отряд два месяца почти на боевые не ходил. Сидели на базе, приходили в себя. Командование перетряхнули. Кого сняли, кого заменили. Потом начали уже потихоньку работать, но уже по-другому. А вообще тут полная жопа, до границы с Пакистаном всего пятнадцать километров, кругом горы, караванных троп полно. Мы даже в город выйти не можем. Если туда кто-то из офицеров едет, то под прикрытием брони и с охранением. Могут прямо в городе подстрелить.

- Тридцать один человек... - Я нервно сглотнул слюну - Много, но это не рота, это взвод.

- Рота - Отрезал зло Равиль - У нас всего три роты разведки, в каждой по три группы, а в группе всего двенадцать - четырнадцать человек. Так что рота.

- Почему такой маленький состав отряда? - Удивился я.

- Почему маленький? – Переспросил гранатометчик – Управление, три роты разведки, рота оружия, группа связи, инженерно-саперный взвод, зенитно-артиллерийский взвод, взвод материального обеспечения, медчасть, экипажи БМП. В каждой роте у нас по одиннадцать машин, а всего БМП наверное штук шестьдесят наберется, но мехводы и стрелки как ты понимаешь на выходы почти не ходят, прикрывают нас иногда как огневые точки с дорог, так что именно разведчиков в ротах всего чуть больше тридцати бойцов наберётся. На пятьсот рыл. В выходы ходят всего несколько сводных групп. В роте обеспечения больше ста тридцати человек, в роте оружия больше сотни, да и так, по мелочи ещё сотни полторы наберется.

Он замолчал, прислушался к темноте, потом продолжил:

- Сейчас работаем активно. Облёты, засады, блоки, досмотры, караваны. Но молодых сразу туда не тащат. Обычно. Сначала несколько недель на базе гоняют. Стрельба, горная связь, мины, медицина, ориентирование. Потом ставят на высотные посты вокруг базы. Чтобы к горам привык, к ночи, к обстрелам. Потом уже смотрят, кого брать.

- А мне значит сегодня повезло? – усмехнулся я.

- А тебе повезло, - тоже рассмеялся Равиль. – И Саньку повезло, что ты с нами был. Ты справился и справился не плохо.

Где-то выше скрипнул камень. Мы оба сразу замолчали. Я упёрся щекой в приклад, Равиль плавно подтянул автомат. Несколько секунд мы всматривались в темноту. Потом сверху тихо свистнули два раза. Равиль ответил одним коротким щелчком камешка о камень.

- Наши меняются, - пояснил он.

Я выдохнул осторожно.

- Часто базу обстреливают?

- Бывает. Миномёты, РСу, ДШК, снайпера с дальних склонов. Иногда просто пакостят, иногда серьёзно накрыть пытаются. От обстрелов и на боевых у нас стабильно кто-нибудь выбывает. Месяц хороший - один погибший. Плохой - три-четыре. Раненых больше. Очень много раненых. У нас половина отряда либо уже шитая, либо с контузией.

Он сказал это буднично, как будто про простуду и насморк рассказывал.

- Весёлое место, - сказал я.

- Оборжаться.

Равиль достал из кармана сухарь, отломил половину, протянул мне. Я взял, хотя есть не хотелось. Просто в армии, если тебе дают еду, отказываться глупо.

- Деды у вас сильно молодых гоняют? - спросил я после паузы.

Равиль тихо хмыкнул.

- Тут все с оружием. И все на взводе, уставшие. Попробуй кого-нибудь ночью в горах начать строить просто потому, что он молодой. А он тебе потом в бою спину прикрывать должен. Так что дурь есть, но не такая.

- А какая?

- Молодых гоняют. Сильно. Подготовка, наряды, хозработы. База ещё строится, работы выше крыши. Камни таскать, мешки, воду, дрова, разгрузка, погрузка, капониры строить, землянки, склады. Старики больше по боевым и постам, молодые больше вкалывают на базе. Но если молодой на выходе показал, что не тряпка, его уже просто так не трогают.

Он повернул голову ко мне.

- Тебя, думаю, не тронут.

- С чего бы?

- С того. Ты Саню спас. Он у нас не последний человек. И группу прикрыл. И ДШК загасил. И раненым воевал, не ныл. Теперь если какой-нибудь старик решит на тебе самоутвердиться, наша группа ему объяснит, что он не прав.

- Прямо так?

- Прямо так. У нас просто. На базе можешь быть молодым, салагой, кем угодно. Но если в бою ты сделал дело, это запоминают. Быстро.

Я снова посмотрел на чёрный склон. В темноте всё казалось ближе. Каждый камень мог быть человеком, каждая тень - стволом. Рёбра ныли, грудь жгло под бинтом, а пальцы ещё помнили тёплую кровь на Саниной ноге.

- А ты чего такой разговорчивый? - спросил я.

- Чтобы ты не заснул.

- Я от боли не засну.

- Все так говорят. Потом мордой в пулемёт клюют.

Он немного помолчал.

- И ещё потому, что ты мне понравился, сержант. Глаза бешеные, руки трясутся, но делаешь. Это лучше, чем когда наоборот: морда спокойная, а делать ничего не может.

Я тихо усмехнулся.

- Спасибо, наверное.

- Не за что. Только запомни: здесь первые дни самые опасные. Молодой или дёргается, или наоборот думает, что уже всё понял. Ты сегодня много сделал, но не вздумай решить, что стал горным волком.

- Не решил.

- Вот и хорошо. Горы таких быстро лечат. Иногда насмерть.

Сверху снова тихо прошёл шорох. На этот раз наш боец спускался к вертолёту, пригибаясь и осторожно ставя ноги. Передал Морозову что-то шёпотом, тот кивнул и пошёл проверять посты. Когда проходил мимо нас, остановился.

- Как грудь?

- Нормально, товарищ старший лейтенант.

Равиль тихо фыркнул. Морозов посмотрел на него, потом на меня.

- Значит, плохо. До утра дотянешь?

- Дотяну.

- Смотри у меня. Равиль, глаз с него не спускай.

- Есть, - спокойно ответил Равиль.

Где-то далеко в горах протяжно завыл шакал или собака. Звук прошёл по ущелью неприятно давя на уши, будто кто-то провёл ножом по стеклу. Я поудобнее устроил ПКМ, насколько позволяли рёбра, и снова посмотрел на звезды. Первая моя ночь в Афганистане только началась.

Глава 4

Ночь прошла тяжело и мучительно. Адский холод, ледяной ветер, грудь болит, ни вздохнуть ни пернуть, как говорится. Я почти не спал при перелете из Союза, и сейчас глаз не сомкнул, так что к утру голова у меня была как чумная, соображал я уже туго.

Равиль время от времени проверял как я себя чувствую, разговаривал со мной, подбадривал, но это помогало мало. Чувствовал я себя плохо.

Едва небо начало сереть, и уже можно было разглядеть окружающие нас склоны, в небе снова послышался гул вертолетов. Знакомый Ми-8 заходил на посадку, а над ним уже привычно крутились хищные силуэты охранявших его «Крокодилов».

На этот раз все встретили вертолеты без суеты. Посты остались на местах, стволы смотрели по склонам. Ми-8 сел метрах в пятидесяти от нашего подбитого, подняв облако холодной пыли. Из него высыпали техники, двое бойцов прикрытия и офицер в замызганном бушлате. Техники сразу потащили к Егорычу ящик с запчастями, длинный свёрток и инструмент. Егорыч встретил их нервно и недовольно. Даже с моей позиции было слышно как он ругался.

- Вы ещё к обеду бы прилетели! - орал он, хватая ящик. - Тут, между прочим, не парк культуры!

- Сам машину сломал в этой жопе, так что не звизди ради бога! - огрызнулся один из техников.

- Это мне духи сломали, умник!

- Вот на духов и ори!

Они ругались, но работали быстро. Через минуту вокруг хвостовой балки уже лежали инструменты, снятая панель, грязные тряпки и какие-то железки. Один техник залез почти по пояс в открытый люк, второй подсвечивал фонарём. Егорыч стоял рядом и давал ценные указания. Через несколько минут он достал техников так, что его пару раз просто послали матом, а потом и вовсе отодвинули плечом.

Я сидел за своим камнем и смотрел на это как через мутное стекло. От усталости всё казалось немного нереальным. Люди ходят, ругаются, чинят вертолёт, «Крокодилы» кружат сверху, а я сижу среди камней с перебинтованной грудью и думаю только о том, как бы вдохнуть так, чтобы не хотелось материться.

Равиль присел рядом.

- Держишься?

- Держусь.

- По лицу не видно. – Он вздохнул - Ладно скоро уже нас увезут отсюда. У тебя какой размер ноги?

- Сорок третий – Ответил я удивленно – А что?

Он усмехнулся, ничего не ответил, просто вдруг поднялся и отошёл к мешку, что вчера притащили бойцы из-за гребня и который всю ночь лежал у подбитого вертолета. Через минуту он вернулся ко мне с каким-то узлом.

- На, - сказал он и бросил его мне на колени. – Вроде твой размер.

Я машинально развернул. Сверху лежала разгрузка - выцветшая, но крепкая, с кучей подсумков под магазины и гранаты. Под ней - пара серых кроссовок «Адидас». Не новых. Совсем не новых. Подошва уже потертая, шнурки разные, на одном носке даже засохшее бурое пятно, которое я предпочёл не разглядывать. Я поднял глаза.

- Это что?

- Подарок от коллектива, - невозмутимо сказал Равиль. - Твоя доля трофеев.

- Очень щедро, - сказал я, кривясь и двумя пальцами поднимая кроссовок. - Особенно обувь. Прямо мечта.

Равиль усмехнулся.

- Не морщись. Да, снято с духов. И разгрузка, и тапки. Отстираешь на базе.

- Спасибо, успокоил.

- В Асадобаде, Серёга, тебе нормальную обувь никто не выдаст и на базаре её не купить. Здесь не Кабул. На складе только сапоги, ботинки, кирза одна, да и то вечно не по размеру. Про выход в город я тебе тоже уже говорил. А в горы в сапогах или ботинках лазить летом - это проклясть всё на свете уже через час.

Я посмотрел на свои ещё почти новые прыжковые ботинки.

- Зимой в них вроде нормально.

- Зимой - да. Пока снег, пока холодно, ещё терпимо. А вот когда жарить начнёт, ты в них сдохнешь. Нога мокрая, они тяжёлые, дубовые, скользят на осыпи, по камням. Все старики в горы в трофейной обуви ходят. Кто в кроссовках, кто в кедах, кто вообще в каких-то пакистанских тапках. Лишь бы лёгкое и цепкое.

Он взял у меня один кроссовок, постучал подошвой о камень.

- Видишь? Мягкая. На камне держит лучше. И оба тапка весят как полсапога.

- А если развалятся?

- Значит, новые с другого духа снимешь, - спокойно сказал Равиль.

Я невольно хмыкнул.

- Отличная система снабжения.

- Лучшая из доступных.

Он кивнул на разгрузку.

- А это вообще вещь. Лифчик. Китайский Чи-Ком. Ты не смотри что у него бобышки деревянные, зато они расстегиваются бесшумно. Подсумки удобные, всё под рукой. Магазины, гранаты, сигналы, ИПП. Наши штатные подсумки по сравнению с ним - полное говно. К тому же мы броники с собой в горы обычно не берем, а это дополнительная защита, магазины на груди расположены. Я себе такую ещё летом взял. А эту вчера один бородатый щедрый человек нам подарил вместе с миномётом.

Я снова посмотрел на разгрузку. Ткань потёртая, но действительно добротная.

- И что, мне теперь в трофеях ходить?

- А ты думал, тебе тут парадку выдадут? - Равиль сел рядом. - Слушай, молодой. Здесь если вещь работает - всем плевать, откуда она. Трофейный нож, трофейный фонарь, трофейная обувь или спальник, китайская разгрузка, афганский шерстяной платок - всё идёт в дело. Красота здесь в другом измеряется. Вернулся живой - уже красавец. На построения конечно лучше кроссовки не надевать, а так, по базе ходить и на выходы - самое то.

Я покрутил кроссовок в руках.

- Ладно. Спасибо.

- Не за что. Ты Саню вытащил и нас хорошо прикрыл. Пацаны запомнили. Это тебе, считай, авансом за нормальную службу.

Он уже хотел подняться, но остановился и добавил:

- И ещё. Если кто из стариков увидит на тебе это - лишних вопросов не будет. Поймут, что ты не просто с автобуса слез.

Я посмотрел на него внимательнее.

- То есть это не только обувь?

- Конечно не только обувь, - усмехнулся Равиль. - Это пропуск в нормальную жизнь на базе, дурак.

С этими словами он ушёл помогать грузить трофейный ДШК. Я ещё пару секунд сидел, глядя на китайскую разгрузку. Потом аккуратно свернул её и вместе с кроссовками засунул

в вещмешок. Странное было ощущение. Будто за одну ночь мне выдали не просто чужие обноски, а какой-то первый, очень кривой, но всё же билет в эту новую жизнь.

У хвоста вертолѐта тем временем уже кипела работа. Егорыч ругался, техники лезли в открытую панель, что-то стучали, подтягивали, меняли. Через полчаса дали пробный запуск.

Двигатели взвыли, лопасти пошли по кругу. Все пригнулись, внимательно следя за хвостовой балкой. Машина дрожала, но держалась.

- Нормально! - наконец заорал Егорыч. - Жить будет!

Началась эвакуация. Трофейный ДШК, автоматы, миномѐт, коробка, мешки - всё быстро грузили в оба борта. Я поднял свой ПКМ, скривившись от боли, собираясь тащить его к вертолѐту, но Егорыч оказался рядом и протянул руку.

- Давай сюда, это моя игрушка.

Я посмотрел на пулемѐт. За прошлый день и ночь я к нему как-то даже привык. Глупость, конечно, но после всего, что случилось, отдавать его было жалко.

- Забирайте, - сказал я и передал ПКМ.

- Жалко расставаться? - хмыкнул он.

- Есть немного.

- Ничего. Ещё наиграешься. Тут таких игрушек хоть жопой ешь. Броню тоже снимай, такая полезная вещь в хозяйстве пригодится. Я теперь без него за бортовой пулемет точно не встану.

Он забрал ПКМ, всё выданное мне до этого имущество, бегло проверил и пошёл к борту. А чуть в стороне уже спорили Морозов и капитан.

- В госпиталь Серёгина надо.

- Да какой госпиталь? Он ночь высидел, не отключился.

- Рѐбра у него.

- Санчасть базы справится. Если врач скажет - потом отправим.

Меня подозвали.

- Серёгин, - сказал капитан. - Сам как?

- Хреново, товарищ капитан.

Морозов аж брови поднял.

- Во, уже прогресс. Учится говорить правду.

- Но жить буду, - добавил я.

Капитан кивнул.

- Значит, летишь с нами на базу. Там в санчасть сразу. Госпиталь пока отменяется.

- Есть.

Погрузка закончилась быстро. Я забрался в салон уже без пулемѐта, с перебинтованной грудью, с китайской разгрузкой и трофейными кроссовками в вещмешке. Напротив, сел Морозов, мрачный как грозовая туча. Рядом у двери устроился Равиль. Капитан и второй офицер, прибывший вчера с подкреплением для охраны подбитого вертолѐта загрузились в другой борт.

В этот раз никакого интереса к полѐту у меня уже не было. Ни посмотреть вниз, ни понять, куда летим. Хотелось только одного - чтобы это всё поскорее закончилось. Каждая вибрация отдавалась в грудной клетке болью. Вчера мне так хреново не было. Я даже бегал и прыгал, а сейчас совсем расклеялся. Машину трясло, лопасти били по воздуху, корпус подрагивал, а у меня на каждом таком рывке внутри будто кто-то ножом шевелил между рѐбер.

Я попробовал устроиться удобнее, но Ми-8 и слово «удобнее» вообще разные вещи. Лавка жѐсткая, рядом сидят обвешанные оружием и снаряжением парни, ящики и всякое стреляющее железо под ногами. Такое впечатление, что в Советской армии вообще все летательные аппараты делают специально, чтобы пассажиры не расслаблялись и не забывали, что они военные и должны нести все тяготы и лишения армейской службы. Тот же Ил взять, там тоже «всѐ для людей».

Равиль наклонился ко мне, прокричал прямо в ухо:

- Терпи! Недолго осталось!

Я кивнул. Что отвечать? Терпеть - это как раз было единственное, что от меня сейчас требовалось.

За круглым иллюминатором проплывали серые, холодные склоны. Кунар тянулся внизу тонкой мутной лентой. Где-то в стороне шли «Крокодилы», временами мелькая за стеклом короткими чёрными тенями. Вроде всё красиво, наверное, если смотреть свежей головой. А у меня картинка то расплывалась, то собиралась снова. Несколько раз я вообще ловил себя на том, что проваливаюсь в какую-то вязкую дрему на секунду-другую, а потом просыпаюсь от боли, когда вертолёт очередной раз тряхнёт.

Полёт длился совсем не долго, буквально минут пятнадцать, но мне показалось - пол-жизни. Когда наконец машина начала снижаться, я сначала даже не понял. Просто шум моторов изменился, салон качнуло, лица вокруг чуть оживились.

- Прилетели, - бросил Равиль.

Я повернулся к иллюминатору и увидел базу. Вчера я её тоже видел сверху, но тогда она тонула в дыму и пыли, поднятой разрывами мин, а я был весь на нервах. Сейчас же база лежала передо мной как на ладони и ничего не мешало её как следует рассмотреть.

Первое впечатление - пыль и камень. Просто кусок выжженной земли, зажатой между двумя реками и горами, обнесённый несколькими линиями колючки и каменными стенками. По периметру - мешки с песком, огневые точки, окопы, какие-то укрытия. Внутри - россыпь низких строений: модули, палатки, кунги, сараи из фанеры и жести, несколько БМП в капонирах, артиллерийские и зенитные позиции, груды ящиков, бочки. Всё пыльное, серо-жёлтое, словно базу не строили, а просто накидали как попало в кучу того, что под руку попало.

И люди. Много людей. Кто-то бежал к нашей площадке, кто-то рыл землю как крот, кто-то стоял у окопов с автоматами. Всё двигалось и жило.

Ми-8 сел жёстко, хлопнув шасси о грунт. Пыль поднялась такой стеной, что в иллюминаторе ничего не стало видно. В салон тут же ворвался ледяной ветер вперемешку с песком и керосиновой гарью.

- Выгружаемся! Быстро! - гаркнул кто-то.

Все зашевелились сразу. Трофеи, ящики, оружие, мешки - всё пошло наружу сплошным потоком. Я тоже попытался помочь, но, когда встал на ноги, понял, что зря переоценил свои силы. В груди кольнуло. Я схватился рукой за борт и зашипел сквозь зубы.

- Серёгин, не мешайся под ногами. На выход! - Рядом уже оказался Морозов. - За мной.

Старлей выпрыгнул из вертолета, а я спустился на землю с помощью стоящего рядом бойца и совсем не красиво. Вначале сел на пол вертолета, свесив ноги через люк, а потом сполз вниз. Можно было конечно и прыгнуть как Морозов, но боюсь, что это доставило бы мне непередаваемые ощущения.

На площадке уже стояла группа офицеров - коренастый майор в расстегнутом бушлате и вязаной шапке, и два капитана - один мне не знакомый, одетый по-уставному, а второй тот самый, бойцы которого штурмовали склон. С автоматом на плече, в разгрузке и такой же грязный, как все прилетевшие. Его вертолет приземлился раньше нашего. Майор тут явно был главным, не только по званию, но и по должности.

Морозов пригибаясь подбежал к офицерам, козырнул. Я пошел за ним следом и остановился за спиной старшего лейтенанта.

Майор слушал доклад капитана командовавшего группой без лишних эмоций, лишь изредка кивал.

- ...вертолёт восстановлен, трофеи доставлены, потери группы - один тяжело раненый - сержант Гаврилов, эвакуирован вчера, и младший сержант Серёгин - заброневая травма грудной клетки, контузия...

Майор перевёл взгляд на меня, когда я замер по стойке смирно за спиной Морозова. Секунду посмотрел, потом перевел взгляд на старлея.

- Это Серёгин?

- Так точно. Работал на бортовом пулемёте, подавил расчет ДШК, прикрывал группу при высадке, получил ранение, но из боя не вышел. Дважды спас сержанта Гаврилова во время боя, оказывал ему медицинскую помощь.

Майор снова посмотрел на меня. Я молча вытянулся, насколько позволяла грудь. Весь грязный, бледный, рукава бушлата в Саненой крови, красавиц, одним словом. Майор кивнул.

- Молодец Серёгин. Достоин воевал. Но геройствовать без приказа не привыкай. Здесь таких быстро хоронят.

- Виноват товарищ майор! Есть не привыкать геройствовать.

- Хе... - Усмехнулся майор и кивнул Морозову – А он у тебя ещё и с юмором. Ладно, подумаем куда его пристроить. Гаврилов на долго выбыл, если вообще под чистую не спишут. Его кстати прооперировали, нога на месте, жить будет. Во вторую группу теперь пулеметчик нужен. Подумаем короче. Иди Серёгин в санчасть, лечись. Через пол часа всем командирам рот и групп прибыть в штаб на совещание.

На этом весь разговор и закончился. Для Асадобадской базы вчерашний день был просто ещё одним из многих, а вылет группы на боевое задание просто обыденностью. Меня похвалили, но так, без огонька. Солдат просто сделал свою работу.

Я шагнул в сторону и понял, что идти могу сам, но только медленно. Знать бы ещё куда... Ноги держали, а вот в груди каждый шаг отзывался так, будто внутри всё набили битым стеклом.

Рядом сразу возник Равиль.

- Ну что, герой, санаторий показать?

- Было бы не плохо, а то хер его знает куда идти.

- Тут всё рядом, метров сто всего. Дойдешь?

- Дойду.

С другой стороны, подошёл ещё один боец из их группы, смуглый узбек имени которого я не знал. Он молча отобрал у меня вещмешок и закинул себе на плечо.

- Давай, Серый, не спеши, - сказал он. - До санчасти доведём.

Они не тащили меня, просто подставили плечи, чтобы если качнёт - не упал. Мы медленно пошли через базу.

Под ногами хрустел щебень. Справа тянулся окоп с установленным АГС. Слева стояли штабелями ящики, то ли с минами, толи пустые, из-под мин. Между палатками и модулями сновали бойцы. Где-то молотил дизель. У каменного капонира механик ковырялся в БМП, стуча ключом по броне. Всё вокруг жило своей жизнью, и никому особого дела до нашего возвращения уже не было. Вернулись – и хорошо. Краем глаза я заметил, что возле каждого строения в этом странном месте были вырыты щели или перекрытые бревнами, засыпанные сверху грунтом и щебенкой укрытия. Очевидно, чтобы пережить обстрелы, на подобии вчерашнего.

Санчасть оказалась недалеко - длинный щитовой барак между жилыми модулями, обложенный, как и всё тут камнями, с красным крестом, намалёванным на фанере перед входом.

У двери курил худой капитан-медик в очках. Увидев нас, он поморщился:

- Ну вот. С утра пораньше счастье привалило. Чё у вас опять?

Равиль усмехнулся.

- Принимайте пополнение, товарищ капитан. Младший сержант Серёгин. Пуля в бронезилет попала. А так он почти целый.

Медик оглядел меня с головы до ног.

- Это мы сейчас проверим, насколько он целый. Выглядит как будто бухал пару дней не просыхая.

Он бросил окурок, распахнул дверь санчасти и махнул внутрь.
- Заходи, Серёгин. Раздевайся. Посмотрим, чего там у тебя.

Глава 5

Внутри санчасть выглядела так же, как и вся база - на скорую руку сколоченная из того, что было, но при этом явно рабочая. Узкий коридор, пахнувший йодом, табаком и спиртом. Слева две палаты, справа перевязочная, дальше кабинет. На стенах зелёная краска. После улицы тут было почти тепло, и от этого меня сразу повело сильнее. Организм, видимо, решил: раз дошли до людей в белых халатах, можно больше не изображать стойкого бойца.

Меня усадили на табурет посреди перевязочной. Капитан-медик щёлкнул выключателем, загорелась тусклая лампа без плафона. Равиль помог мне снять бушлат. Потом куртку и тельняшку. Когда дошло до бинтов, капитан-медик присвистнул.

- Красиво. Кто мотал?

- Санинструктор. Ивлев. – За меня ответил Равиль.

- Ивлев говоришь? – Нахмурился капитан – Чипушило косорукое. Замотал на от...сь. Лишь бы держалось. Ну ничего, вечером займемся переобучением, как раз нужно сортиры обработать хлоркой.

Логика в его словах я не увидел. Как может помочь обработка сортиров хлоркой научиться правильно мотать бинты? Впрочем, я не медик, как это всё взаимосвязано не моё дело, и вообще, мне сейчас вообще ни до чего дела не было. В тепле меня конкретно так расписюнило, глаза сами собой закрывались.

Доктор аккуратно размотал повязку. На груди расплзался огромный синяк, тёмный, с фиолетовыми краями. В месте удара кожа вздулась и болела так, что я едва не лягнул медика коленом, когда он нажал пальцами.

- Тихо бля! Не дергайся. Дыши.

- Не могу.

- Можешь. Просто не хочешь.

- Очень смешно, товарищ капитан.

- Я тебе что, клоун тебя тут веселит?! Закрой рот и дыши глубже.

Я вдохнул и тут же зашипел.

- Так. Понятно. Перелома, похоже, нет. Очень сильный ушиб грудной клетки.

Он ещё раз внимательно осмотрел огромный кровоподтёк, расплзшийся от грудины к боку.

- Голова кружится? Сознание не терял?

- Нет

- Тошнит?

- Только когда в столовой перловку дают. – Пошутил я, но взглянув в лицо капитана тут же поправился – Никак нет, товарищ капитан.

- Ты блядь дошутишься у меня. Учти, у меня тут и легкораненые полы драют. Усёк? Хорошо. В ушах звенит?

- Не понятно. - Честно ответил я – После всей этой стрельбы и взрывов, да ещё после вертолета, я толком не понял.

- Ясно – Вдохнул капитан. И повернулся к санинструктору в застиранном белом халате, что стоял с ним рядом. – Синицын, записывай. Младший сержант Серёгин. Заброневая травма грудной клетки, ушиб мягких тканей, контузия легких легкой степени. Травма получена при выполнении боевого задания. В ходе боестолкновения получил попадание в бронежилет из стрелкового оружия. Первую помощь: перевязку и промедол получил на месте от санинструктора роты Ивлева. Температура, давление. Потом карточку первичного учёта оформи.

Я тактично промолчал, что промедол мне никто не колол. Зачем ещё раз подставлять санинструктора? С этим очкастым доктором похоже шутки плохи и у меня почему-то отношения с ним сразу не сложились. Равиль вот, например, с ним и пошутил, и сейчас весь грязный посреди стерильной перевязочной стоит, и хоть бы хны. Хоть слово бы ему сказал, а меня он уже пару раз одернул.

Солдат сел за стол, раскрыл толстый журнал учёта больных и начал скрипеть ручкой. А капитан уже доставал ампулы.

- Так... Записывай дальше. Сейчас вкатишь ему анальгин с димедролом внутримышечно. Два дня полный покой. Будешь колоть ему сульфокамфокаин и витамины. Мукалтин давай. На третий день горчичники начнем. Так... Пенициллин пять дней. Бромгексин. Обильное теплое питьё. Не курить. Ну всё вроде. Оформляй и в палату его. Перевязку сделать не забудь, и сегодня и завтра холод на грудь. – Капитан отвернулся от санинструктора и наконец-то обратил внимание на Равиля – Так, Айбатов, а ты чего тут делаешь? Тоже ранен? Нет? Тогда вали отсюда!

Капитан и Равиль вышли из перевязочной, а мне вкатили несколько уколов, дали горсть таблеток и уложили в палату на железную койку с продавленным матрасом. Койка показалась царским ложем.

Я только вытянулся, и сразу понял, насколько вымотался. Тело будто налилось свинцом. За окном где-то молотили дизеля, кто-то орал на кого-то, что-то лязгало. Но всё это уже шло как через вату.

Проспал я почти до вечера. Просыпался урывками - то от боли, то от того, что меня будил санинструктор и кормил таблетками, мне втыкали болючие уколы, что-то холодное клали на грудь, но едва меня оставляли в покое, я тут же вырубался. Сон был беспокойный, но по сравнению с прошлой ночью это был рай. Здесь хотя бы не дуло в лицо ледяным ветром, не надо было сидеть за камнем с пулеметом и ждать, что из темноты снова прилетит автоматная очередь.

На второй день я уже мог спокойно вставать и понемногу ходить по коридору. На третий – даже втихаря, когда капитан ушел куда-то по делам, выбрался покурить на крыльцо.

За это время у меня в палате успело перебивать полбазы. Первым, на следующий день пришёл Равиль. Принёс пачку «Примы» и с порога заявил:

- Ну что, не сдох ещё? Синицин тебя клизмами не замучил?

- Нет, только иглами задницу дырявят. Четыре раза в сутки. – Грустно вздохнул я – Витамины писец какие болючие.

- Это да – Хохотнул татарин – Тут всем витамины колют, даже если с больным зубом пришёл, видимо в наказание за то, что капитану отдыхать мешают. Поэтому в санчасть стараются не попадать.

Он уселся на соседнюю койку, и мы минут двадцать с ним разговаривали, пока его не выгнал вернувшийся из штаба капитан.

В тот же день, но уже к вечеру зашёл Морозов. Старлей, как обычно, выглядел так, будто его из железа отлили - мрачный, злой, но выбритый до синевы, в чистенькой афганке. Только с красной от недосыпа физиономией. Посмотрел на меня сверху вниз.

- Живой?

- Так точно.

- Цвет лица, как у несвежего покойника.

- Стараюсь соответствовать обстановке.

Он усмехнулся, присел на край койки, помолчал, потом сказал уже тише:

- Молодец был на вылете.

- Спасибо, товарищ старший лейтенант.

- Не зазнавайся только. Один раз повезло - но это не значит, что ты теперь бессмертный.

- Понял.

- И ещё. Гаврилов тебе привет передавал. Наш зампотыла летал по делам в Джелалабад, заходил к нему в госпиталь. Ногу ему сохранили, но выбыл он надолго. В Союз отправят скорее всего.

Я кивнул. Саня-пулемётчик мне за ту ночь как-то незаметно стал уже не чужим. Морозов встал.

- Ладно. Отдыхай.

Сказал сухо, но перед уходом всё-таки оставил на тумбочке пачку печенья. По местным меркам - почти отеческая забота.

Потом заходили парни из группы. Тот самый смуглый узбек, которого звали Санжар. Ещё двое, имён которых я пока толком не запомнил. Притащили мне пару рыбных консервов, ещё одну пачку «Примы», какие-то лепёшки, рассказывали последние новости. Оказывается, еще две группы спецназа после нашего возвращения прочесывали окружающие горы, и нашли два РСа, установленные на таймер. Сто семимиллиметровые реактивные снаряды китайского производства были уложены прямо на камни, по направлению к базе, подключены к автомобильному аккумулятору, и должны были сработать ночью. Точности от таких закладок ожидать не стоило, но по площади базы они бы попали. Пацаны рассказывали это весело, как анекдот, мол какие духи лошары, а у меня ком подкатывал к горлу. От реактивного снаряда при прямом попадании никакая щель или окоп не спасет. Похоже Равиль меня не пугал, когда рассказывал про постоянные обстрелы.

Даже Алишер и Ботраз нашли меня. Они пока ещё торчали в карантинном взводе и смотрели на меня как на живую легенду.

- Ну как там? - спросил Алишер шёпотом. - Страшно? Когда нас в вертолете обстреливать начали, я даже ничего не понял, если честно. Вообще не слышал, как по нам попадали, это нам потом Морозов рассказал. Просто смотришь - ты из пулемета стреляешь, а куда, зачем, сообразил уже на земле.

- Страшно не то слово - Я посмотрел на их ещё свежие, не обветренные лица и усмехнулся. - Надо с собой в следующий раз в горы запасные штаны брать. Когда первые полные будут, сразу менять.

Они нервно заржали, не поняв, шучу я или нет. Сидели они не долго, буквально минут пять. Молодым сержантам тяжело было найти даже одну лишнюю свободную минуту, чтобы навестить друга.

Но самый неожиданный гость пришёл вечером третьего дня. Я сидел на койке, читал затертый почти до дыр прошлогодний выпуск журнала «Огонек», найденный в тумбочки, когда в палату заглянула знакомая физиономия.

- Серый?

Я аж глазам своим не поверил.

- Макс?!

Это действительно был Максим - мой друг ещё по первой учебной роте, с которым мы вместе тащили первые месяцы в Чирчике, вместе прыгали, вместе материли ротного и сержантов и мечтали, чтобы всё это быстрее закончилось.

Он изменился. Загорел, осунулся, на лице морщинки, афганка выщела, автомат за плечом. Но это был он.

- Ты откуда тут взялся? - спросили мы одновременно, потом оба заржали.

Оказалось, Макс на базе уже третий месяц. И всё это время ни на одном боевом выходе ещё не был. Их взвод использовали на охране - огневые точки по периметру, караулы, сопровождение колонн, наряды, хозработы. Служба нервная, под обстрелами, но без выходов в горы.

- Мы тут как сторожевые собаки, - рассказывал он, усевшись рядом. - То на постах торчим, то в окопе мерзни, то ночью осветительные ракеты пускаем, если духи подползут. И сука

как ишаки пашем. Солдат-разнорабочий, мать его. Научился даже саман делать. Тут из него целую казарму строят. Но хоть не таскаемся чёрт знает где.

Я слушал и в глубине души даже немного успокаивался. Ну вот, думал я, значит и меня после санчасти куда-нибудь на такую же огневую точку воткнут. Посижу с автоматом в окопе, освоюсь, осмотрюсь, пойму хоть что тут к чему. После того, что я увидел в первый же день, перспектива три месяца сидеть за мешками с песком казалась мне почти подарком судьбы.

Наивный. На четвёртое утро меня вызвали в кабинет медкапитана. Я чувствовал себя уже хорошо, дышал легко, почти без боли. Гематома на груди пошла пятнами, как радуга. Местами фиолетовая, местами зеленая, а по краям уже желтеть начала. Фокус с холодом и с горчичниками творил чудеса. Капитан выдал мне справку о ранении и буркнул:

- Для оформления. И в военный билет отметку сделают в штабе, дуй туда.

Потом я сходил к писарю штаба, где в мой военник аккуратно внесли запись о полученном ранении и контузии. Теперь я был официально контуженый...

Смотрел я на эти строчки и испытывал странное чувство. Вчера ещё зелёный новобранец, а сегодня уже документально оформленный участник боевых действий. С правом носить на правой половине груди красную нашивку за ранение. Бумага, печать, подпись - всё официально. Даже смешно.

Вернувшись в санчасть, я застал там Морозова. Старлей стоял у двери, словно специально меня ждал.

- Выписывают?

- Так точно. Завтра обещали, как курс антибиотиков закончат.

- Хорошо. Как выпишут, забирай вещи и дуй в первую роту. В расположение второй группы. С сегодняшнего дня ты зачислен к ним пулемётчиком вместо Гаврилова.

Я даже не сразу понял смысл сказанного.

- К... куда зачислен? Я же не пулеметчик! Это не сержантская должность!

- Теперь пулеметчик. – Усмехнулся Морозов - Во второй группе. Официально будешь числиться командиром отделения, но по факту будешь пулеметчиком. Распишешься за автомат, а получишь пулемет Гаврилова. Майор утвердил. Людей не хватает, пулемётчики нужны. Тебя уже посмотрели в деле и признали годным. Так что поздравляю, Серёгин. Отсидеться на базе не получится.

У меня внутри как будто что-то неприятно ухнуло. Перед глазами почему-то сразу встала ночь за камнями, свист пуль, ДШК, раненый Саня и ледяной склон. Я-то уже почти нарисовал себе красивую картину спокойной службы на базе. Как Макс, на огневой точке, мешки с песком, редкие тревоги, работы на стройке. Ими меня было не напугать, сам когда-то стройкой занимался, так что дело привычное. Ага. Размечтался.

Морозов усмехнулся, заметив мою физиономию.

- Что, думал в тепле сидеть будешь?

Я честно выдохнул:

- Если честно... думал.

- Теперь забудь. Один раз слетал, показал себя - значит, теперь будешь летать дальше. У нас тут принцип простой: кто может работать, тот и работает. Кто везет, на том и едут. Есть вопросы?

- Мне Равиль говорил, что в его группе всего четырнадцать человек – Задал я вопрос, который первым пришел в голову - Тогда сколько там отделений? И сколько человек в отделении? Я командиром какого буду?

- Правильный вопрос! – Рассмеялся Морозов – Там три отделения, в каждом всего четыре человека. Ну ещё в группе радист есть, санинструктор иногда ходит и сам командир группы. Замком в группе командир первого отделения числится. То есть в самом отделении есть командир и три бойца. Это по факту, а по штату в отделении двадцать человек. Писари, хозбанда,

охрана постоянная, кто на боевые не ходит, экипажи БМП... На бумаге подчиненных у тебя дохрена будет. Более того, у пулеметчика в группе второго номера тоже нету. Но нести тебе весь БК одному не себе не придется. Каждый в группе на выходе одну или две ленты к пулемету на себе тащит. Гаврилов, вообще иногда по три тысячи патронов в одного брал, семьдесят килограмм между прочим! Но тебе, конечно, это не осилить пока... Зато коробка между всеми делим. Не ссы короче, я тебя знаю ещё с учебки, ты справишься. А будешь ты командиром третьего отделения. Ну а командиром группы у тебя буду я. Вторая группа как раз моя.

- А капитан кто? – Ещё больше растерялся я. – Тот что с перевязанной рукой.

- А капитан Носов, Алексей Анатольевич, наш ротный – Почему-то тяжело вздохнул Морозов – Командир первой разведывательной роты.

- Я думал ротный вы... - Не подумав ляпнул я.

- А ты поменьше думай! – Разозлился вдруг Морозов – Чтобы завтра был в расположении и получил оружие!

Доктор выписал меня на следующее утро, но радости в этом было немного. Перед тем как отпустить, он ещё раз заставил раздеться, послушал дыхание, постучал пальцами по рёбрам, нахмурился и наконец махнул рукой.

- Жить будешь. Но это не значит, что здоров. Нагрузки пока запрещаю. Бегать нельзя, таскать нельзя, прыгать нельзя, броню на себя пока не вешать. Через неделю ко мне на осмотр.

- Есть, товарищ капитан.

- И не курить.

Я тактично промолчал. Капитан поднял глаза вверх очков.

- Я сказал: не курить.

- Так точно.

- Врёшь плохо, Серёгин. Ладно, вали отсюда. Нехрен койку занимать.

Санинструктор отдал мне бушлат, тельняшку, вещмешок и таблетки в бумажном пакете. На прощание объяснил, что пить их надо после еды, если местную столовскую баланду вообще можно считать едой.

Я вышел на крыльцо и остановился. После санчасти база сразу навалилась шумом. Где-то запускали БМП, дизель кашлял и чадил сизым дымом. У штабных кунгов толкались офицеры. Возле кухни двое бойцов тащили котёл. С дальней огневой точки доносился мат, такой уверенный, что казалось - там не службу несут, а строят новую линию обороны из одних матерных слов.

Вещмешок я закинул на плечо и тут же понял, что доктор не просто так запрещал нагрузки. Грудь отозвалась тупой болью. Не такой сильной как раньше, но всё-таки.

Первую роту я нашёл не сразу. Поблуждал немного, потом спросил у проходившего мимо ефрейтора, тот махнул рукой между модулями:

- Вон туда дуй. Второй справа.

Расположение оказалось неожиданно чистым. Я, честно говоря, ждал бардака или чего-то похожего на логово анархистов, а тут - почти настоящая казарма. Узкий проход выметен, койки заправлены ровно, одеяла натянуты, подушки на один край. Возле КХО дневальный с автоматом, тумбочки. Правда под кроватями лежат РД и разгрузки, забитые магазинами, да возле тумбочек сапоги стоят. Зато сапоги чистые и все стоят ровненько, носками наружу, а вещи довольно аккуратно сложены. На стене висело расписание нарядов, рядом самодельная схема базы с секторами обстрела.

Пахло всё равно армией: сапожной мазью, табаком, оружейным маслом, с легким ароматом не мытых портянок. Но это был уже не хаос, а порядок, который похоже держали в чьих-то ежовых рукавицах.

- Серёгин? - спросил дежурный сержант у входа.

- Так точно.

- Вторая группа. Вон твоя койка у окна. Какого хрена только она твоя, не понятно... Угол дедовский там вообще-то. Ладно, двойкам виднее... Вещи сложить как у все лежат. Айбатов сейчас подойдет и тебя заберёт.

Я только успел поставить вещмешок, как в дверях появился Равиль. Он подошел и по-дружески хлопнул меня по спине.

- Здорово. Бросай всё, пошли. Для начала тебя вооружим как человека, а потом будет ещё одна культурная программа.

- Мне уже страшно.

- Правильно. Бойся. Здесь без этого никак.

Мы отправились в оружейку. Оружейка находилась в отдельном укрепленном модуле. Внутри сидел прапорщик лет сорока пяти, сухой, усатый, с глазами хронически недовольного человека. На столе у него лежали журналы, тряпки, маслёнка и разобранный затвор.

- Чего надо? - спросил он, не поднимая головы.

- Новому пулемётчику оружие, - сказал Равиль. - Серёгин. Во вторую группу. Морозов должен был предупредить.

Прапорщик поднял глаза.

- Это тот, который с вертолёта работал?

- Он.

- Угу.

Прапорщик открыл пирамиду и достал ПКМ. Потёртый, но ухоженный. Металл местами блестел, приклад в царапинах, но механизм ходил мягко. Я взял пулемёт и невольно спросил:

- Товарищ прапорщик, а почему ПКМ?

- А ты чего хотел, «Максим» что ли?

- У Гаврилова вроде ПК был

Прапорщик скривился.

- Был. Трофейный. Сам где-то у духов подобрал. Вбил себе в голову, что старый ПК надёжнее, потому что ствол ребристый и тяжелее. Мол, греться будет меньше и лупить можно дольше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.